

Дмитрий Захаров

Сто один день

Роман

Дмитрий Захаров

Сто один день

«Издательские решения»

Захаров Д. А.

Сто один день / Д. А. Захаров — «Издательские решения»,

Неудачник по имени Оскар обладает уникальным даром. Он умеет видеть чрезвычайно реалистичные сны. Однажды он захотел пообщаться во сне с дьяволом. И вместе с дуновением летнего ветра в обычную питерскую квартиру ворвались сонмы монстров...

© Захаров Д. А.

© Издательские решения

Содержание

Оскар. Человек-пес	6
Бурбуль	10
Госпожа	12
Косой	22
Дневник Оскара	24
Сила Луны	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сто один день
Роман
Дмитрий Захаров

© Дмитрий Захаров, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оскар. Человек-пес

У Оскара были разноцветные глаза. Один зеленый, другой карий. Голова покрыта густой шерстью с серебристым налетом, уши ладные маленькие. Костяк сухой, поджарый. Он сутулился при ходьбе, и слегка заикался. Он переживал тот неумовимый период болезни, когда окружающие попадали под обаяние лжи, им нравилось спасать несчастного, отвергнутого миром художника. Очарованные поэтическим дарованием харизматичного алкоголика, девушки могли им ненадолго увлечься. Они с энтузиазмом принимались наводить порядок в маленькой комнате, приютившейся как голубиное гнездо под крышей многоэтажного дома.

Старинное здание девятнадцатого века возвышалось в историческом центре Петербурга, окруженное стальными монолитами небоскребов. Дом, с облупившимся фасадом, чудом сохранившийся в элитном районе мегаполиса, напоминал потрепанного жизнью ветерана войны, такой же одинокий, со следами величественной истории, теряющий силы исполин. Острые дамские каблочки стучали по узким выщербленным ступеням кривой лестницы. Женщины выносили груды пустых бутылок, скомканных журналов с пожелтевшими страницами. Они морщили носики, их глаза светились торжеством победы. Оскар шел следом, преданно заглядывал в раскрасневшиеся лица, и они, всякий раз обманутые, давали ему деньги. А через несколько дней он опять оставался один.

Оскар обладал удивительной особенностью. Он умел заказывать сны.

Не покидая кровать, счастливцев умудрился посетить все страны мира, потратить огромные денежные суммы, переспать с красивейшими женщинами планеты. В сновидениях он разрезал время как нож масло, и окунался в древнюю историю, конструируя будущее, переживая космические катастрофы, и наблюдая триумф всеобщего благоденствия. Сны были совершенны, и он возгордился. Однажды он захотел увидеть Бога, но закрывая глаза, подумал о дьяволе...

В течение месяца он беспробудно пил, прерывистые картинки, пестрели всполохами алых зарниц, и страх навечно поселился в его сердце. Раньше у него было убежище, перед которым бессильно любое оружие. Стоило заснуть – реальность менялась. Он не ведал страха, карал обидчиков, насиловал их жен и дочерей, а жилища предавал огню. Он мог мстить, прощать, ибо во сне приобретал власть абсолютную.

Увиденный сон показал его полное бессилие перед неким более страшным, чем сама смерть. Время зарубцевало остроту страха, и сохранились ощущение одиночества и тоски.

В то утро он проснулся с предчувствием надвигающейся беды. Сквозь окно просачивался тусклый свет. Редкие капли дождя барабанили по стеклу, одинокий голубь пытался удержать равновесие на жестяном козырьке, косил карим с желтыми прожилками глазом, суетливо взмахнул крыльями, и скрылся в зыбком сумраке ненастного дня.

Какое то время мужчина неподвижно лежал, постигая шершавую горечь наступающего похмелья. Голова была пустой, гулкой, и пустоту эту наполняли суетливые мысли. Они кричали, вразнобой перебивая друг друга. Словно проворные муравьи, они просачивались в клетки беззащитного мозга.

Громко зазвонил телефон. Сотовые не задерживались в хозяйстве пьющего человека, он по старинке пользовался обычной связью.

– Слушаю!

Тишина. Едва слышно пробивались голоса из параллельной линии, бубнил мужчина, смеялась женщина. Люди смеялись, плакали, любили. В микрофоне негромко щелкнуло, тихо заиграла музыка. Have you ever seen the Rain. Пел Джон Фогерти. Мужчина выслушал куплет, звенела гитара. Кто остановит дождь?

Он тяжело вздохнул, к горлу подкатил скользкий ком тошноты. Оскар опасался похмельной рвоты, боялся, что от напряжения лопнут сосуды в голове, и он умрет. А быть может, его парализует, и он будет страдать, оставаясь в сознании, но будучи беспомощно неподвижным. Нехорошая смерть. Так умирали Мопассан, Чезаре Ломброзо, и грузинский параноик Иосиф Сталин.

Из коридора донеслись голоса. Разбилась тарелка на кухне.

– Ах ты, паразит, сволочь лохматая! – кричала женщина, вторя ей, залаяла собака. Хлопнула дверь, с шумом ударила вода в ванной комнате. Оскар натянул мятые джинсы, вышел в коридор. Стуча когтями по полу, подошла собака. Человек потрепал пса по худой шее.

– Привет! Ты откуда здесь взялся?

Пес пристально посмотрел человеку в глаза. Все это уже было однажды. Алчные муравьи. Похмельное утро. Дворняжка. И он сам, босиком, в джинсах надетых на голое тело, стоящий в коридоре на холодном полу.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, человек вжался в стену – он задолжал хозяйину, крепкому молчаливому парню с бульдожьей шеей. На кровати лежала голая девушка. Смазанный make up и бледные щеки делали ее похожей на раскрашенную куклу. Длинные ноги, узкий темный мысок внизу живота. Платиновые волосы разметались по подушке. Одна рука покойно лежала на животе, другая безвольно упала вниз. На столе теснили друг друга разноцветные бутылки. Оскар облизал пересохшие губы, крадучись вошел в комнату. В передней скрипнул дверной замок. Быстрее молнии коммунальный воришка метнулся к столу, схватил бутылку, ворвался к себе в комнату, запер дверь, прижимая к животу трофей.

Стакан был покрыт клейкой сукровицей, но это не имело значения. Человек пританцовывал на цыпочках, горлышко бутылки отбивало звонкую трель о край стакана. Муравьи аплодировали. Он сделал глоток, и горячее электричество потекло по пищеводу. Хвала небесам! Have you ever seen the Rain! Грустная баллада в исполнении группы Криденс, звенела как победный марш! Прошли годы поисков и разочарований, прежде чем он постиг великое искусство опохмела. Жидкость ударила в небо, заслезились глаза, но то были добрые слезы.

Пошарив в пепельнице, он обнаружил целую сигарету, и окончательно уверовал в Бога. Он затаился сигаретой, в животе заурчало.

Последний раз он закусывал накануне днем. В кафе, где пытался договориться с круглолицей шатенкой. Она с интересом изучала его разноцветные глаза, и позволяла себя гладить по бедрам. У кавалера стал заплетаться язык, и сам он оказался похож на симпатичного бродячего пса. Поняв, что девушка ускользает как скользкая плотва, он выклянчил у незнакомки мелочь. Кажется, это было вчера. Или на прошлой неделе? Время не имело принципиального значения – у него были сны.

После двухсот граммов водки руки перестают трястись, и кончики пальцев становятся горячими и чувствительными. В облупившемся зеркале отразилось темное лицо молодого алкоголика. Он боялся своего отражения, и где то слышал, что если смотреть в зеркало бесконечно долго, можно увидеть собственную смерть. Зеркало запотевало, спиртовые испарения смешивались с клубящимися парами горячей воды, бриться и стоять под теплыми струями воды было приятно.

Оскар расчесал густые волосы, легкий иней рассыпавшийся по локонам нравился девушкам, а тонкий шрам под левым глазом, заставлял думать, что его обладатель пережил драму. Голые ветви прильнули к окну, на улице накрапывал мелкий дождик. В комнате стояла на две трети целая бутылка водки, в холодильнике гроздью выстроились десяток яиц. Он вышел на кухню, поставил на плиту сковороду.

– Глаза у тебя забавные! Это линзы такие? – произнес за спиной женский голос.

Яйца выскользнули из рук, и шлепнулись на пол. Девушка уселась на стул, закурила, и пустила тонкую струйку дыма.

– Ты уничтожила мой завтрак! – пробормотал мужчина – а возможно и обед...

– В хате полно еды, малыш!

– А он...

– Он ушел. И баночку пива для меня.

Оскар поспешил в комнату, взял кусок копченой свинины, пару банок пива и пачку сигарет.

– Вот! – он выложил добычу на стол, – Я вообще-то не привык брать чужое...

– Ну да! – усмехнулась девушка. – А как тебя зовут? – незнакомка без стеснения разглядывала его, как редкое насекомое.

Оскар представился.

– Как драматурга и педераста!

– Ты на собаку похож...

Она встала, приблизилась вплотную, острые груди коснулись шеи.

– Ну точно – собака! И пахнет от тебя как от пса, и глаза разноцветные!

– Я только что из душа!

– Люди часто бывают схожи с животными, не замечал? А пахнет от тебя... – она помахала ладонью перед лицом, – Качественный перегар!

Хлопнула входная дверь, по босым ступням скользнул холодный воздух, незнакомка равнодушно курила.

– Собака... – задумчиво повторила она, – не пойму, какой породы?

– На овчарку? – Оскар прислушивался к звукам, доносящимся из коридора, и был действительно похож на трусливого сторожевого пса. – Немецкая овчарка!

– Нет!

Голос у нее был мягкий, грудной, при разговоре она чуть сглатывала окончания. – Не думаю...

– Тогда на добермана! – он оскалил зубы, и вытаращил разноцветные глаза.

– Чушь полная! – смеялась незнакомка. Она взлохматила шерсть на его голове. От прикосновения женских пальцев пересохло в горле.

– Ну тогда хотя бы на ризеншнауцера!

– Ни в коем случае! – хохотала девушка. – Я такой породы не знаю. Подумаю и обязательно сообщу. Нельзя оставлять тебя беспородным... – она повернулась и быстро ушла в комнату. В дверном проеме показалась лохматая собачья голова. Пес радостно скалил желтые клыки, с розового языка на пол стекала слюна. Так собаки потеют, а пот и слезы у животных имеют одинаковую биохимическую основу. Пес смотрел на человека и плакал.

Вонь сгорающей сковороды наполнила кухню. Оскар бросил ее в мойку, ударила струя шипящей воды. Есть расхотелось. В комнате он плеснул водки на дно стакана, зажевал куском мяса. Прокрался к соседям. На столе стройными рядами красовались бутылки, но отчего это оставило его равнодушным. Он втягивал тяжелый утренний воздух непрветренной комнаты. Запахов было множество – резкий мужской одеколон, с примесью пота, тяжелый перегарно дымный угар после вечеринки, пахло сексом. И чем то другим, едва различимым.

Неожиданно возникло гнетущее ощущение, что в комнате кто то есть помимо него. Воздух стал плотнее, чужое дыхание коснулось виска. Оскар выкрикнул в пустоту.

– Кто здесь!?

В большом овальном зеркале отразилось бледное лицо.

– Привет... – пробормотал он отражению, оно послушно повторило движение губ хозяина. Он подмигнул – черноволосый мужчина, скрывавшийся в глубине мертвой амальгамы, прикрыл зеленый глаз. На кровати валялся халатик. Что-то неуловимо знакомое, – смесь горячей полыни и острого мускуса, пряный аромат летней травы сожженной жарким солнцем, мед-

ный запах свежей крови и лакрицы. Он уткнулся лицом в ткань, она зловеще шуршала, так в темноте трется о сухую землю змеиные чешуйки. Он вдохнул полные легкие острого аромата, и вспомнил свой нынешний сон. В мельчайших подробностях. И тогда он закричал. И в крике этом не было ничего человеческого, это был вой волка или шакала, и в утробном вопле смешались ярость и страх, и то первобытное чувство, что заставляет конвульсивно содрогаться кусок плоти. И тогда человек понял, откуда этот странный запах, исходящий от безжизненного куска синей материи.

Он бросился в свою комнату, взгляд поневоле коснулся большого зеркала. По твердой поверхности зеркала бежала мелкая рябь, как бывает, когда порыв ветра коснется широким крылом речной глади. В волнообразных разводах отражались, рассыпаясь на множество лживых искажений кривые отражения. Оскар захлебываясь выпил банку пива, едва не подавившись пеной, упал на кровать, и густая черень поглотила сознание. И сквозь темноту выплыло серебряное лицо старой луны, свет исказил предметы, и пепельные тени призрачным покрывалом окутали редкие облака, лениво ползущие над землей...

Бурбуль

Свет полной луны посеребрил камни. Круглое, изъеденное рябыми морщинами лицо висело над острыми горами, и платиновый снег, застывший на вершинах сверкал как драгоценный металл. Из норы выполз щенок, понюхал ночной холодный воздух и чихнул. Тихо зарычала волчица, щенок кубарем скатился в нору, протиснулся между волчатами, и засопел.

Бурбуль поднял голову к небу и протяжно завыл. Молодые волки тревожно таякали, прижимая пушистые хвосты, сновали по ущелью. Никто не смел присоединиться к вожаку – они помнили растерзанного самца, осмелившегося завывать на полную луну вместе с вожаком. Они помнили Косого, который предположил, что собакам следует держаться поблизости к манкам. Бурбуль оторвал ему ухо. Косого более никто не видел, но волки переговаривались меж собой, что манки не убили его, а наоборот – теперь он вместе с ними охотиться.

Вновь завыл вожак, и в голосе его звучала тоска по неведомым мирам. Старый волк боялся. Он боялся и ненавидел жителей далекой Луны. Он видел их много зим назад. Они учили манков добывать огонь и стоять жилища. Бурбуль ненавидел манков, и они завораживали его. Голые тела, короткие когти и маленькие зубы. Они мало чем отличаются от лесных обезьян. Манки – охотники. Причем охотники ловкие и беспощадные.

Волки охотятся стаями. В этом они не уступают манкам, но когда псам грозит опасность, спасаются они поодиночке, бросая раненных товарищей на произвол судьбы.

Бурбуль видел, как два леопарда разорвали весельчака Толстого. Толстый повредил лапу, провалившись в скалистую расщелину, он плакал как щенок, когда ликующие леопарды набросились на него.

Манки защищаются сообща.

Однажды в их пещеру вломился медведь. Все боятся медведя, и бегут от него прочь. Даже полосатые кошки. Медведь зацепил самку и рука болталась на кусочке розовой плоти. Казалось, следовало отдать хищнику добычу, но самцы принялись закидывать зверя камнями, а вожак выхватил факел из пожарища, и ткнул врагу в морду. Страшно взревел медведь, но манки не отступили, и прыгали вокруг огромного зверя, и размахивая своими огненными палками.

Конечно, им помогают жители Луны! Волк видел, как те учили их обращаться с огнем. Сам он не боится огня, но его товарищи при виде пляшущих желтых язычков впадают в панику. Их не заставить приблизиться к жилищам манков, и уж тем более похитить их детенышей.

Только Косой вместе с Бурбулем, и Латоной неоднократно нападали на манков. Вожак мстил манкам, а Косой это делал из озорства. Но затем в поведении собрата появилось что-то иное. Он стал очарован манками, часто уходил из стаи. Он врал, что изучает их, но ложь она и есть ложь. А у Латоны появилось потомство, и ей стали неинтересны манки.

Бурбуль медленно спустился с холма.

Гасли звезды, восток покрылся розовой пеной. Молодой пес чутко втянул воздух носом, прижал острые уши. Хороший волк! Смелый и умный. Но настанет время, и он встанет напротив вожака. Точно также как в свое время Бурбуль встал на пути Седого. Он не хотел убивать старого волка, который учил его охотиться на оленей, и избегать ядовитых змей в высокой траве, но в глазах пса он прочел приговор, который гордый волк вынес сам себе. Вожак постарался сделать это быстро...

Он прокрался в нору. Щенки сладко сопели во сне. Латона мгновенно открыла глаза. Она – хорошая мать! Боятся разбудить волчат. Он свернулся клубком, чувствуя боком тепло щенков, и прикрыл тяжелые веки.

Перед закрытыми глазами возникла картина. Волку снился сон. Он наблюдал за манками, скрывшись в густом кустарнике. Но вот они попадали на колени, уткнувшись лицом в землю.

Появился чужак. От него исходил резкий запах. Это была смесь незнакомых запахов, отчетливо выделялся запах свежей крови, но это была ЧУЖАЯ кровь! Некая составляющая аромата выбивалась из четкого представления волка. Опытный вожак оказался сбит с толку. Манки завопили. Бурбуль зарычал, забил сильными лапами и проснулся.

Кричал молодой волк, захлебнувшись кровавой пеной. Псы сбились в тесную кучу, прижавшись спинами к скале. Выход из ущелья перекрыли манки, они размахивали палками, взбравшись на холм, швыряли в обезумевших животных камни. Манк угрожающе замахнулся корявой палкой, из сложенного трубочкой рта раздалось дикое завывание. Вот еще одна отвратительная особенность манков – их способность к обезьяним гримасам!

Бурбуль отскочил в сторону, и палка с треском расщепилась об острый камень, и пока неуклюжий манк таращил глаза, волк вонзил зубы в шею. Манк закричал, и это был восхитительный звук! Пес почувствовал удар по спине, взвизгнул, но не замедлил ход, шерсть на загривке отяжелела от крови.

Он мчался, припадая к земле, не в силах оглянуться назад. Полная Луна неслась рядом, не отставая ни на шаг. Бурбуль вспомнил о Латоне, щенках, и зарычал вторично, но уже не от боли, а от отчаяния. Рядом стояли двое псов, их бока тяжело вздымались. Последовать за ним псы не решились, и он не мог их судить. Вожак вернулся к ущелью, и спрятался за выступающей скалой.

Манки добивали волков. Латона яростно щелкала зубами. Маленький и кривоногий с бельмом на правом глазу забрался на скрученные жгутом ветви дуба, и швырнул камень. Другой схватил волчонка за задние лапы, и ударил об острые камни. Бурбуль пристально смотрел черными глазами. Он запоминал.

После того как манки ушли, он спустился в ущелье. Латона лежала рядом с волчком. Ее оскаленная в предсмертной корче пасть была залита кровью, лапы бережно обнимали первенца. Он потрогал носом начинающее коченеть тело. Закрывая солнце широкими крыльями, слетались черные стервятники. Волк поднял голову и завыл. В сердце его поселилась холодная ненависть. Он с шумом втянул воздух, выскочил из ущелья, и не чувствуя боли в раненной спине, потрусил в ту сторону, куда ушли манки...

Госпожа

Оскар с трудом разомкнул слипшиеся веки. Громко и настойчиво звенел телефон. Новенький смартфон был безнадежно утерян, а внешний вид древнего аппарата навевал ассоциации с коммутаторами времен гражданской войны.

– Алло!

– С добрым утром!

– Здравствуйте...

– Сон алкаша крепок, но не долог! – усмехнулись на другом конце провода.

«Глупая шутка!» – раздраженно подумал Оскар.

– Д-д-а я задремал н-н-емного... – волнуясь, он начинал немного заикаться. – Не выспался накануне... П-п-олнолуние или что-то в этом роде!

– Полнолуние! – женщина засмеялась, – это действительно причина для бессонницы! Верните одежду, мужчина!

– Какую одежду?!

– Халатик мой, синенький, с дракончиком! Впрочем, если ты только с помощью моего халатика можешь достичь пика сладострастия, не смею мешать. Готова пожертвовать, во имя гормонального равновесия! Это большая честь для меня и моего халата. Если требуется, могу подкинуть шарфик. Или туфли? Тебе что больше нравится?

– Ты можешь подождать секунду?!

– Ну, если только секунду!

Оскар юлой подлетел к столу, глотнул из бутылки.

– Это я! – крикнул он, обдав пластик микрофона спиртовым дыханием.

– Быстро! – одобрительно хмыкнула девушка, – выпить успел?

– Вы меня обижаете, сеньорита! Не имею обыкновения навеселе беседовать с дамой!

– А зря! Я выпиваю!

– Ну, тогда и я, с вашего позволения! – он цокнул трубку крем стакана. – К сожалению, не имею чести знать имени...

– А что ты пьешь, Оскар? – уклонилась от ответа девушка.

– Водочку...

– А ну да. Я помню...

– Да это с-с-лучайно получилось...

– Не оправдывайся! Ни у тебя, ни у кого другого нет здесь судей. – сказала она непонятную фразу. – Нам бы насчет халатика!

– Готов доставить в любую указанную точку планеты!

– А ты его там не слишком, ну... осквернил?

– Не успел... А потом у меня еще один есть. А также пара чулок, бюстгалтеры, ну всякие комбинашки я не считаю, и гордость моей коллекции – дамские панталоны! Не будут раскрывать тайны, как мне удалось их добыть.

Девушка смеялась.

– А ты находчивый песик! Записывай адрес...

Девушка проживала на улице Чайковского. Элитный район, престижный дом – памятник архитектуры 19 столетия. Пешком – тридцать минут ходьбы – принял решение Оскар. Медленно наступал вечер. Теплый питерский вечер насыщенный влажной моросью. Литровая бутылка опустела более чем на половину, на ночь хватит, но утром опять придется выходить на охоту. Но это все случится утром. Запой освобождал человека от ответственности за людей, за себя и быстротекущее время. Он запил водку сырыми яйцами, принял контрастный душ,

напихал полный рот зубной пасты, и бежал по влажному асфальту, а кривая тень, отбрасываемая зелеными фонарями скользила следом, ни отставая ни на шаг.

Я бежал по дороге, и мокрый асфальт,
Громко хлопал в ладоши,
Немного не в такт.
И в змеистых лучах разветвленных аллей,
Бес в пятнашки играл,
С бледной тенью моей...

В пакете лежал синий халатик. Оскар обладал завидным обонянием, он мог отличить мельчайшие оттенки запахов, но аромат, исходящий от шелковой тонкой ткани был не на что не похож. В нем присутствовала составляющая, отдаленно напоминающая запах крови, но даже не крови в привычном понимании этой жидкости, с присущим ей металлическим сладковатым запахом. Это был не запах, а «впечатление» от него. Так могла пахнуть кровь, пролитая много лет назад, и давно исчезнувшая. Когда вытаскивают утопленника, окружающие зажимают носы, хотя характерное смердение появляется, лишь когда труп вскрывают.

Когда он был мальчишкой, в их дворе изнасиловали, и забили ножами девушку. Она жила в соседском доме – красивая, с длинными загорелыми ногами, и острыми сосками, просвечивающими сквозь тонкое платье. Она свободно вела себя с мужчинами, будто думала, что может управлять ими также уверенно, как стареньким автомобилем, который лихо парковала во дворе. Мальчик был убежден, что взгляды ее черных, всегда немного влажных как у косули глаз, обращены к нему одному. Ранним июльским утром его разбудили крики – казалось, женщина хохочет и не может остановиться. Он выскочил во двор – на зеленой лужайке, возле пересохшего фонтанчика, лежала она. Тело девушки было истыкано ножом, кровь запеклась. Глаза смотрели в черное ничто, и в их влажной поверхности отражалось синее небо. Кричала ее мать, и подростку показалась нелепой, совершенно несуразной эта картина. Голая девушка, с острыми торчащими сосками, мертвые глаза, и похожий на хохот крик. Он не чувствовал запаха – крови было много – она запеклась возле ран, и тонкими ручейками стыла около фонтанчика. Оскар запомнил свои впечатления. Мертвые, блестящие как у лани глаза, бурая, запекшаяся кровь между ног, и хохот обезумевшей женщины. И странное возбуждение, охватившее его, черноволосого мальчишку со смешными разноцветными глазами, при виде окровавленной голы девушки.

Он совсем забыл, как выглядела та девушка. Иногда, он не был уверен в том, что эта история произошла на самом деле, а не явилась плодом безудержной фантазии. В память врезалось впечатление от запахов, как безжалостно нож мясника режет дымящуюся плоть забитой жертвы, и повсюду витают запахи. Ароматы боли, смерти и пролитой крови.

Сгустились сумерки. Мимо прошелестела длинная машина, въехала под арку. Оскар топтался на месте, чувствуя нарастающее волнение, шагнул во двор. Машина остановилась возле подъезда. Черные тонированные стекла изучали застывшую фигурку. Его долговязый силуэт отразился в зеркальном стекле – бледное лицо, взъерошенные волосы, мятая, выдавшая виды джинсовая куртка.

У бетонной стены сохранилась узкая полоска зелени, прижатая сухим асфальтом к каменной стене. Среди пожухлой листвы покачивал белой головой маленький одуванчик. Последний герой ускользящего лета. Некогда увенчанный пышной седой шевелюрой, одуванчик дрожал под порывами ветра, на незащитной трогательно голой голове дрожали несколько белых пушинок. Оскар сорвал цветок, на ровной кромке длинного стебля выступила белая маслянистая кровь. Он бережно положил одуванчик в карман, и шагнул в подъезд.

Внизу хлопнула входная дверь – загудел лифт. Боковым зрением он уловил невнятное движение – темное лицо смотрело в упор. Горячая кровь ударила в голову, тело мгновенно покрылось мурашками, но в следующую секунду ему стало стыдно. В черном окне отражалась его собственная физиономия.

Лифт неуклонно двигался вверх. Вот он остановился на предыдущей площадке, тронулся с места, и с угрожающим гудением полз дальше. Оскар заворуженно смотрел, как из мрачного чрева узкой шахты объявляется блестящая крышка саркофага. Человек прижался спиной к холодной стене, круглыми от ужаса глазами он смотрел на выползающего из дьявольской утробы механического монстра. Он собрался бежать вниз по лестнице, но ноги будто приросли к полу. Он хотел позвать на помощь, но вместо крика изо рта несло невнятное хрипение. Лифт остановился. Через секунду он разомкнет широкие двери. Внизу слышались шаги. Шаркающие, похожие на шлепки босых ступней по каменному полу. Из-за выступающего угла вынырнула огромная тень. Ее кривые очертания уверенно легли на крашеную стену, длинное крыло коснулось кроссовка.

– Ч-что это такое... – прошептал человек.

Тень злобно зашипела, дрогнул поручень.

– Проклятье!!!

Лифт негромко вздохнул, и с шипением раздвинул двери. Мужчина взвизгнул, и это было похоже на вопль. Так кричит собака, когда жестокосердный хозяин бьет ее плетью.

Шаги достигли последней ступеньки. Более всего он боялся обернуться, и увидеть того страшного и неведомого, чьи ноги ступили на площадку. Невидимая тень выскользнула наружу, звериным чутьем человек почувствовал спиной тяжелый взгляд. Он рванул оконную раму, со звоном вылетело зеркальное стекло, пролетело в воздухе, и разбилось о каменный паребрик. В лицо пахнуло свежим воздухом. Внизу отсвечивали глянцем темные лужи.

Возле клумбы неспешно прогуливалась старушка в розовом дождевике. На длинном поводке она вела маленькую собачку. Собачка зашлась истошным лаем, завывала, и бросилась в ноги хозяйке.

– Кто обидел нашу девочку?! – причитала женщина высоким голосом. – Что случилось? Кто нас так перепугал!?

Болонка вцепилась в руку старушки.

– О-о-х!!! Что же ты наделала! – в крике смешались боль, страх и ярость.

Оскар плотно закрыл глаза, в голове пульсировал багровый шар. Все впереди. И боль и страх. Все впереди...

Распахнулась дверь, и сумрачный подъезд озарился оранжевым светом. На пороге стояла она.

– Пытаюсь понять... Ты кто?! Спортсмен или самоубийца? Если самоубийца, то рискуешь сломать ноги. Советую выбрать дом повыше, а еще лучше мост!

– Принцесса, из города бархатных снов,
И звезды погасли, коснувшись ресниц,
И месяц рвет вены на теле земли.
В зрачках ее тонет нагая заря...
Меня больше нет. Я – раб. Тень твоя...

Оскар соскочил с подоконника, достал из кармана мятый цветок одуванчика. Он опустился на колени, захлебывающееся от страха сердце человек-пса, преисполнилось покоя и благодарности. Громко запели ангелы. Пауза...

Пес лежит на полу. Он вылизывает ноги Госпожи. Она гладит его по каштановой гриве, чешет за ухом, называет дурашливыми ласковыми именами. Разыгравшись, она может шлепнуть его по щеке, но он ловит губами ее пальцы. Если он хорошо себя ведет, и у Госпожи благосклонное настроение она позволяет ему полизать себя. Иногда ей хочется разнообразия, и тогда она чешет его живот, он забавно дергает ногами. И тогда в голубых глазах загораются бесовские огоньки и она, дурачась, целует его, а когда он, дрожащий от нетерпения, начинает скулить, униженно трется головой о ее колени, Госпожа приказывает улечься на пол. Она медленно садится, промеж ее бедер течет жидкое электричество, и содрогаясь в сладостном предчувствии размашисто бьет пса по морде. У него выступает кровь, из глаз текут слезы радости и боли. Он сглатывает соленую горечь, и Госпожа лижет его кровь, она делает это не как Хозяйка, а как беспородная уличная сучка. Она рычит на непослушного пса, он кричит вместе с ней, и его крик похож на волчий вой, и он тихо умолкает, боясь прогневать капризную Повелительницу, отползает в сторону. И наступает тишина. И миром правит благословенная пауза.

Хозяйка ушла на кухню, беззвучно открылась дверь холодильника, человек-пес настояжил уши. Через пару минут она принесла коньяку. Себе в бокале, ему в плоской широкой миске.

– Из миски пить неудобно...

– Разве собак об этом спрашивают?

– Просто они не умеют попросить.

– Тебя надо покормить. Вон ребра просвечивают. Собирайся! – и нагнувшись к нему захлопала в ладоши.

– Гулять, Оскар, хороший мальчик, пойдет гулять!

Он с готовностью вскочил на ноги, и забегал по комнате, высунув язык.

– Какой, молодец! – одобрительно качала головой Госпожа. – Шагом марш в душ!

Оскар пробежал по длинному коридору, сунулся вначале в туалет, затем нырнул в ванну. Задержавшись на секунду, он спросил Хозяйку.

– А как все-таки насчет породы?

– Какой породы!?

– Н-н-у ты сама сказала. Ну про породу собак...

– Когда сказала?

– Утром... Ну на кухне! Т-т-ты обещала подумать о том, на какую собаку я похож. П-порода какая... – когда он нервничал, начинал заикаться чаще обычного.

– Чуть какая-то! Ты, вообще, о чем сейчас говорил? Какая к черту кухня?!

Человек-пес растерялся.

– Ты извини, п-п-ожалуйста, я з-заикаюсь, когда волнуюсь. И не умею ясно выражать свою мысль. На кого я похож... – он заискивающе улыбнулся.

– Не понимаю, но похож ты на заурядную дворняжку! – и отвернувшись защелкала длинными пальцами по дисплею айфона. Человек-пес растерянно побрел в душ.

Когда он вернулся, она была уже одета. В строгую черную юбку, и темный, обтягивающий ее фигурку свитер. Волосы Госпожа стянула в тугий узел на затылке, стоя перед зеркалом, красила губы кроваво-красной помадой. Он прижался, уткнулся лицом в ямку на затылке, втянул тонкий аромат духов, и женское тепло. Воздушный локон смешно щекотал ухо, он тронул локон губами, тихо засмеялся, чувствуя накатывающую волну неумного счастья.

– Кажется, это называется, любовь?

Госпожа, не поворачиваясь, протянула руку, и погладила его по бедру. Оскар скользил ладонями по ее груди, но она резко вонзила острые ногти в его пульсирующую плоть. На глазах выступили слезы, тошнотворный ком подкатил к горлу.

– Зачем ты так?!

– Извини! Я хочу, чтобы ты все правильно понял, и не питал иллюзий. Это – не ролевые игры, и мы с тобой не любовники. Ты – собака. Я – Госпожа. Я буду о тебе заботиться, кормить, поить – ты ведь пьющая собака?

Он быстро кивнул.

– Bravo! Я буду тебя лечить, если ты заболеешь. Когда мне надоест, я тебя прогоню. Или сдам на живодерню. Иногда я тебя буду наказывать, – продолжала она будничным тоном. – Я – ласковая Госпожа, ты останешься доволен. К тому же я – обеспеченная Хозяйка, и ты ни в чем не будешь нуждаться. Твое преимущество перед другими псами – ты разговариваешь, и выгуливать не надо. Впрочем, ты можешь отказаться, будешь лазать по помойкам, и кланчить у шлюх мелочь на выпивку. Если останешься, я полечу твою рану, и поведу ужинать. Но ужинать я пойду с собакой, а не с любовником. Решай!

Она ушла в другую комнату, и разговаривала по телефону. Оскар допил коньяк, внимательно исследовал половые органы. Никаких следов. Только страх. Стрелки на циферблате настенных часов подползли к отметке десять. Заурчало в животе, за весь день он съел кусок копченой свинины, и три сырых яйца. Девушка вернулась в комнату.

– Мне пора!

Оскар медленно встал на четвереньки, и потерялся головой о ее колени.

– Вот и славно! А теперь давай полечим нашего песика... – она поправила уложенные волосы, и опустила на колени.

Бес в пятнашки играл с бледной тенью моей,
Горечь слез на губах,
Сладкой боли горшей.
Я дотронулся пальцем до края земли,
И умолк навсегда.
Вспомнив губы твои...

На лестничной площадке стоял крепкий парень в черном костюме. Оскар оскалил зубы, и негромко зарычал.

– Молодец, хороший мальчик! Это – свои...

В лифте она протянула человеку-псу мягкий кожаный ошейник.

– Надень!

– Но ведь люди увидят! – запротестовал он, и тотчас получил звонкую оплеуху. Он покорно надел ошейник.

– Умница! – она почесала его за ухом, достала из сумочки зеленый платок, повязала его поверх ошейника.

– Твоя мамочка умная и заботливая!

На улице их ожидал «мерседес» представительского класса. Оскар нырнул в открытую дверь, уселся на заднее сидение, Госпожа села рядом с водителем, и машина бесшумно тронулась с места. Хозяйка негромко беседовала с водителем, парня звали Эдуард. Он бросил неприятный взгляд через зеркало, пес стушевался, а затем оскалил зубы и негромко зарычал.

– Откуда ты его взяла? – говорил Эд.

– На улице привязался, ну прям бродячая собака!

– Прикол! Он что, мелочь кланчил?

– Вроде того...

– Обычный попрошайка!

– Поэт, между прочим!

Загорелся зеленый свет, машина тронулась с места.

– Любый неудачник, мнит себя поэтом! – усмехнулся шофер.

– Ревнуешь? – женщина прижалась к водителю, и коснулась губами его уха. Оскар тихо зарычал.

Автомобиль припарковался возле особняка, построенного в стиле зрелого барокко. Будучи городским бродягой, человек-пес не узнавал этого места. Только что они свернули с Песочной набережной на Крестовский остров – место обитания питерских толстосумов, и словно по волшебству оказались в парковой роще. Они вышли из машины, и пройдя по узкой, вымощенной каменными плитами дорожке подошли к дверям. Дверь была произведением искусства, шедевром литейщиков. Золотистые змеи переплетались в тугие клубки, ядовитые пасти зловеще скалились, из черных глубин зева выскальзывал маленький язычок. Чешуя отливала сусальным гляncем, казалось, одна соскользнет с дверного навеса, и упругой массой обрушится на голову. А другая уже тянется маленьким жалом к голой руке, и в изумрудных глазах загорается чудная змеиная злость. Оскар заметил, что аспид повернул ромбовидную голову, и уставился тяжелым гипнотическим взглядом. Ноги его налились свинцовой тяжестью, ужас наполнил сердце, заставив сжаться в болезненный комочек. Змея зашипела, и из приоткрытой пасти метнулся черный язычок. Госпожа весело рассмеялась.

– Что, песик, страшно? Мистическое место!

Дверь открылась, изнутри доносились пряные ароматы жареного мяса. Оскар скользнул вслед за Госпожой, и готов поклясться, он видел, как в темноте тлеющими угольками горят алчные глаза.

Стены ресторана были драпированы красной материей, с извивающимися драконами. За ширму нырнул полуголый негр, и сноровисто сервировал стол.

– Можно? – спросил послушный пес, пожирая глазами мясное ассорти, украшенное дольками помидоров и листьями зеленого салата.

– Проголодался, малыш! – Госпожа потрогала ошейник, Оскар извернулся, и лизнул женскую руку.

– Кушай на здоровье!

Он благодарно рыкнул, махнул рюмку водки, и набросился на мясо. Какое то время он жадно ел, не глядя по сторонам. Из-за ширм невозможно было разглядеть посетителей ресторана. В центре пустого зала находилась круглая арена. Черные официанты скрывались за дверью. Посетители ждали начала представления, Оскару приходилось смирять любопытство, пить ледяную водку, и закусывать острыми мясными яствами.

Утолив голод, он потянулся за сигаретой, но Госпожа отрицательно покачала головой. Черный официант сказочно объявился возле стола, и протянул тонкие, коричневые сигареты на подносе.

– Кури лучше эти. А то крыша поедет...

Сигарета быстро тлела, образуя красивую, подрагивающую алыми угольками горку пепла. Эта горка росла, и не падала, разбившись на мириады крупинки о дно хрустальной пепельницы, а держалась цепко прилепленная к сторающей сигарете. Ему много раз приходилось курить гашиш, но вкус и запах этой смеси не имел ничего с ним общего. Терпкий привкус смолянистого дыма, горькая трава и кислый аромат лугового клевера. Госпожа тихо разговаривала с кем-то по телефону. Оскар наострил уши.

– ... И что он сказал? Вот мерзавец! – она прикрыла ладошкой трубку. – Не грей уши!

Пес смущенно отвернулся. Хозяйка тихо смеялась.

– Муся, ты чокнутая, честно слово! Ну, приезжай с ним вместе... Ты же знаешь, я не люблю черноволосых мужчин. Они все немного на ворон похожи! Ну, а твой нынешний просто чудовище! Бородатый и с пузом! Мечта, а не юноша!

Оскар сконцентрировал внимание на горке пепла. Зрение обострилось, как у лупоглазой стрекозы. Звук голоса Госпожи стал громким, слова рассыпались, будто огромные камни по равнине. Человек с удивлением заметил, что не понимает ее речь, Хозяйка разговаривала

на неведомом языке, в нем преобладали шипящие согласные, переходящие в раздражающий свист. Госпожа продолжала безмятежно разговаривать по телефону, покачивая носком черной блестящей туфли. Вот она рассмеялась, обнажив ряд блестящих белоснежных зубов, в глубине влажного розового зева мелькнул черный раздвоенный язычок. Оскар вскрикнул. Сердце его билось часто и тревожно, как у перепуганной собаки, он боялся разомкнуть веки, но вскоре с удивлением обнаружил, что с закрытыми глазами видит лучше. Он сконцентрировал зрение на горке раскаленного пепла. Там, в кучке седого безжизненного пепла, он узрел множество извилистых тоннелей с диковинными башнями, и причудливыми искривленными улицами. По ним озабоченно бегали черные драконы. Точь в точь такие-же, как на стенах ресторана. Его осенила догадка – драконы сбежали со стен, и теперь они живут в пепле его окурка. Маленькие драконы суетливо шныряли по тесным улицам, высовывались из узких, похожих на бойницы окон каменных домов, спорили друг с другом, и даже сражались. Огненно-рыжий дракон вонзил длинные, изогнутые как кинжалы клыки в горло курносому дракончику, тот упал навзничь, обливаясь густой зеленой кровью. Они забавно плясали на большой площади – смешной, со взбитым желтым хохолком, неуклюжий пузатый дракон, и его дама – изящная, вся в радужных переливах, разевающая зубастую пасть подруга. И Оскар рассмеялся.

Он с интересом погружался в мир драконов. Оказывается, они собирались вести войну, – на горизонте надвигалась армада из низко летящих зубастых птиц. Драконы строили баррикады, трубили в длинные с огромными раструбами трубы, устанавливали камнемётные машины возле стен своего города. Вдруг драконы бросились врассыпную. Они в страхе бежали, завидя неуклюжее чудовище. Худое частично голое, кое-где покрытое коричневой бурой шерсть, на четырех подламывающихся конечностях. Отдаленно напоминающее собаку существо. Оно хватанула за ногу замешкавшегося дракона, и тот забился в судорогах, и чешуя покрылась большими кровоточащими язвами. Неожиданно оно сделало шаг навстречу, кривая конечность вылезла из горстки пепла, и ступила на сигарету. Чудовище гавкнуло, и произнесло скрипящим голосом.

– «Ахерон-лилит!»

Лицо онемело, в ушах нарастал звон.

«Ахерон лилит...»

Липкие коготки присоски коснулись губы, рот наполнился смрадной жижей. Пес закричал, Госпожа хлопнула его по руке, и огромный город, с извилистыми улочками, башнями, драконами полетел вниз, и разбился на миллионы частиц и жизней о блестящую хрустальную твердь, превратившись в горстку седого, невесомого пепла.

– Хорош балдеть! – раздался резкий голос Хозяйки, – Туда взгляни!

Оскар дрожащей рукой налил себе водки.

– Ахерон лилит... – пробормотал он, провел рукой по лицу, на губах застыла капелька жидкости. Он машинально облизнул палец. Кровь. Терпкая соленая жидкость. Он уже слышал это слово. Ахерон лилит... И оно значило что то очень важное! Нужно постараться вспомнить! Человек прижал ладонь ко лбу, и отдернул руку, – голова была слишком горячей. У него жар! Он лежит в кровати в горячке, одержимый видениями! Тихая покойная радость, успокаивала, некая добрая сила подняла его, маленького щенка и баюкала в своих гигантских ладонях, он заплакал, отдавшись этой ласковой силе, и шептал, задыхаясь от счастья.

– Это свобода? Это свобода...

Сильная рука хлестко ударила его по губам.

– Ты опять заснул!?

– Кажется у меня жар... – он жалобно смотрел на Хозяйку. Она приложила тыльную сторону ладони к его лбу, и щелкнула пальцем по носу.

– Не выдумывай! Симулянт... Нос холодный – пес здоровый!

Тем временем, началось шоу. На сцене, под тревожный набат барабанов танцевала голая девушка. Золотые прожектора освещали плохо развитые маленькие груди с бледными сосками. Рвущийся барабанный аккомпанемент ускорился, капельки пота дрожали на втянутом животе. Неслышно ступая, на арене появился обнаженный негр. Он подхватил танцовщицу на руки, и закружил по сцене – светящийся круг из переплетенных черно-белых теней мелькал в золотом свете прожекторов.

Госпожа нетерпеливо барабанила острыми коготками по матовой полировке стола, вторя глухому барабанному бою.

Девочка открыла глаза. Огромные, прозрачно-синие, с ломкими аквамаринowymi разводами, обрамленные коротеньким забралом подростковых белесых ресниц. И тотчас пронзительно вскрикнула, рванула маленькими коготками атласную шкуру, отчего на ней выступили рубинчики крови. После судорог боли девушка быстро приходила в себя, взалхлеб целуя бледными губами большой черный рот. В зале чувствовалось напряжение. Оно аккумулировалось за ширмами, откуда сверкали жадные горящие глаза. Тревожно и гулко пробили двенадцать раз невидимые часы. Принцесса превратилась в Золушку, карета в тыкву, а кучер в крысу. На ночную планету обрушился сатанинский бал. Вдребезги разбилась на тысячи осколков хрустальная туфелька, заволокли алый горизонт стаи летучих мышей, и от перепончатых крыльев стало темно и душно как в склепе. По бокалам лилось густое вино, и кубок превращался в оскаленный хохочущий череп. И сквозь черноту глазниц мертвого черепа выплыла туманная иллюзия...

По арене потек сизый дым, и из стелющихся клубов появились два служащих в набедренных повязках. Они вынесли большую корзину. В корзине было что-то живое. Оно шуршало, грузно билось изнутри о стены. С потолка опустился стеклянный колпак, и застыл в метре от пола. Негр снял крышку, и ушел. Колпак опустился на пол, образовав стеклянную полусферу. Девушка приподнялась на локтях, испуганно глядя на корзину.

Барабаны заходятся в бешеном темпе. Госпожа привстала с кресла, толстяк в ярком свитере, с бокалом в пухлой, униженной перстнями руке, подбежал к светящейся арене.

Далее начинался ад.

Наружу выскользнула огромная змея, с тихим шипением заструилась вдоль периметра сферы. Вслед за ней показалась другая – она сбилась в тугие кольца возле корзины, и приподняв тяжелую голову, в упор смотрела на оцепеневшую от ужаса девушку. Медленно вылезла третья змея, черным раздвоенным язычком коснулась ее бедра.

И в этот момент из-под купола раздался крик. Пронзительный, полный первобытного животного страха. Он бился рваной, ломкой струной над бешеным ритмом африканских барабанов. Посетители ресторана вскакивали с мест, торопливо обступали стеклянную сферу. Возле ниши с шлепком опрокинулась ширма. Госпожа толкнула бедром шаткий столик, мелодично звенели бокалы.

Холодная, ядовито-желтая Луна похожая на отечный, скалящийся череп вышла из-за облаков, на ледяной поверхности танцуют маленькие чертенята. Их красные глазки сверкают как яркие угольки, в центре хоровода пляшет большая серая крыса, еще несколько мгновений назад бывшая вальяжным усатым кучером. Чертенята кувыркаются через голову, дурные от галактического ветра, а за их спинами валяется желтая тыква.

Девушка вжимается спиной в стеклянную стенку. Змея вкрадчиво скользнула по полу. Крик раздражает пресмыкающихся, токи вибрации в замкнутой сфере, нервирует их. Аспид метнулся в сторону бородача, расплющившего мясистый нос о стекло. Бородач по-бабьи тонко вскрикнул, и отскочил, забрызгав белоснежные брюки шампанским, а изнутри по стеклу стекали бесцветные капли. Перепуганный бородач сконфуженно рассмеялся, плотнул из бокала, но ближе подойти не решался.

Девушка поскользнулась, и упала на бок, придавив локтем змеиный хвост. Одна седьмая секунды. С этой скоростью проделывают путь ресницы человека. За одну седьмую секунды.

Пестрая стрела длиной в три метра просвистела под закрытым колпаком за одну седьмую секунды. На розовом бедре выделились две красно-черные точки, и вокруг образовывалась багровая с синей каймой опухоль. Девушка закашлялась, подползла на четвереньках к стеклу, и била по нему маленькими кулачками.

– Она нас не видит! – возбужденно прошептал толстяк. От него сильно пахло потом.

– Что вы сказали...

– Она нас не видит! Стекло прозрачно только снаружи... – он хихикнул.

Госпожа сжала кисть честного пса. В ее глазах было мертво и черно. Они были похожи на два глухих бездонных колодца, со дна поднимались влажные испарения, и пахли они горькой травой, с привкусом кардамона.

Луна катится вверх тормашками. Крыса-кучер превратилась в огнедышащего дракона, и он силился проглотить огромную, раздувшуюся как шар тыкву. Чертенята радостно аплодируют..

...На ладонях покрытых остывшей золой,

Незабудки цветок распустился.

Живой...

Он пришел в себя сидя за столиком – возле столика заботливо хлопотал участливый негр, на черной физиономии угадывалось неслужебное сочувствие. Встретив взгляд бледного посетителя, официант налил две стопки водки. Ему и себе. Они выпили быстро и воровато, оглядываясь на ликующих возле арены людей. На еду человек-пес смотреть не мог – в черных переплетениях салата ему чудились копошащиеся змеи. Стоны девушки стихли, но он старался не оборачиваться в сторону арены. Он сидел и пил, и слушал свое иноходью скачущее сердце. Подошел толстяк, шумно дыша через открытый рот, розовая лысина усеяна крупными горошинами пота.

– Разрешите?

Он налил водки в стопку, быстро опрокинул содержимое в рот. Его бесцветные глаза навывкате слезились.

– Впервые здесь, я вижу? – толстяк дружелюбно смотрел на нового знакомого. – Здесь все настоящее, понимаете?! А я много где побывал, уж поверьте! Но везде одно сплошное надувательство! Они говорят – девственница, а там такая, уж, извините, прожженная! – он захихикал, отчего выпуклые жабы глаза скрылись в складках потной кожи. Толстяк был похож на старого, злого шарпея.

– Бывало всякое... На юге имелось местечко, там можно заказать пытку, понимаете о чем я? – он мечтательно закатил глаза. – Чудеса! Даже карты «виза» принимали до чего дошли! Я заказал корейночку, они страдают, это что то особенное! Конечно, скорее всего казашку подсунули, но я не в обиде! У нее оказалось слабое сердце. Умерла на четырнадцатой минуте, стоило мне поупражняться с паяльной лампой... – он судорожно потер ладони, плеснул себе еще пол стопки. – Без кокса там делать нечего, не те ощущения, дружище! Высшие чины посещали местечко, пока интерпол не накрыл. Жаль... Ну да вы наверняка слышали!

Оскар промышал что то нечленораздельное.

– Раз вы сюда пришли, это неспроста, поверьте... – собеседник многозначительно поднял в воздух короткий указательный палец. На нем красовалось массивное кольцо, с причудливой витой монограммой. – Здесь случайных людей не бывает. Здесь все настоящее! – без устали повторял извращенец. Он извлек платок, шумно высморкался.

– Рад был поболтать. Как знать, может еще увидимся! – он протянул влажную ладонь, рукопожатие было похоже на прикосновение спрута, навалился животом на хрупкий столик, и приблизив губы к уху прошептал.

– А ты сам то настоящий? – подмигнул, с удивительной для его фигуры грацией выскользнул из-за стола, и исчез.

Оскар вытер ухо, достал сигарету из полупустой пачки. Здесь все настоящее... Он посмотрел в зеркально панно. Бледное лицо, сеть мелких морщинок возле разноцветных глаз, густые волосы иссеченные проседью. А сам то ты настоящий? Глубокое отражение манило к себе, увлекало в свой загадочный мир, сбивало с толку, и не давало ответа, кто из двойников настоящий. Пес, который курит сигарету, нервно оглядываясь, ища взглядом Хозяйку, или Оскар, сурово взирающий на беспокойного двойника, из глубин туманного зазеркалья

Вернулась Госпожа. На лице черной синью горели огромные глаза. Она молча выпила коньяка, и закурила сигарету. Он попытался что-то сказать, но она покачала головой, и это был не приказ. Это была просьба. Они вышли из ресторана. Ни колпака, ни девушки не было видно. Может быть это действительно был страшный сон? Оскар взглянул на свою руку – на ладони отпечатались следы острых ногтей. Две красные точки, так похожие на следы от змеиных укусов. На улице он набрался мужества, и внимательно осмотрел дверь. Она была тяжелая, обитая кованым металлом, с массивной бронзовой инкрустацией.

Дул свежий ветерок. Подкатил «мерседес».. Оскар нерешительно двинулся к машине, но повинаясь непонятному порыву, сорвался с места и бросился бежать. Хозяйка окликнула его, но он пропустил еще быстрее, пересек мост и оказался на Петроградской стороне. Некоторое время он кружил по узким улочкам, замечая следы. Никто за ним не гнался. У Каменноостровского моста над пешеходом сжалился водитель и подвез до Московского вокзала.

Зазвонил телефон. Он лежал под одеялом и дрожал. Что-то сдавливало шею, мешало дышать. Нашупав рукой ошейник, он с отвращением сорвал его, и бросил в угол. Здесь все настоящее... Все те же мертвые деревья, пустые дома, голое пространство. Он налил в стакан водки, горлышко бутылки звякнуло о край стакана. Выпив немного успокоился, лег в кровать, уютно свернулся под одеялом, и тихо лежал, с плотно сомкнув веки. Сна не было. Его вдруг начал бить сильный озноб, шелохнулась занавеска на окне, шершавые тени прочертили на полу узор, невидимый голос прошептал – «ахерон лилит... ахерон лилит...»

Мужчина вскрикнул и включил свет. Все настоящее... Он подобрал ошейник, надел его, и лег в постель, быстро согрелся, изо рта потекла тягучая слюна. В следующую минуту Оскар спал.

Косой

У Косого всегда был чуткий сон. Бурбуль посмеивался над ним, считая пустым мечтателем. Пес не должен жить в мире иллюзий, это мешает выполнению его высокой миссии. Он не хотел разочаровывать вожака, и отправлялся вместе с ним в рискованные вылазки.

Как-то раз украденный детеныш еще дышал. Косой украдкой подбросил его к становищу манков. Он наблюдал из кустов, как кричали самки, и в сердце волка возникла необъяснимая тревога. Он несколько дней крутился рядом, оставаясь незамеченным, и когда один из них остался в одиночестве, подошел вплотную.

Молодой манк сидел на четвереньках, и черпал ладошкой воду. Увидев огромного пса, он не испугался. Его товарищи играли возле ручья совсем как волчата. Весело и беззаботно. Пес первым учуял шакалов. Мелкие, трусливые собаки имели отвратительный склочный характер. Они стелились продавленными рыжими животами по земле. Когда беззаботные детеныши увидели шакалов, те полукольцом прижали их к воде. Несмотря на жару, поток не иссякал, стремительно неся, закипая бурунами возле черных камней. Охваченные страхом манки бежали вдоль ручья, и наперерез им устремились голодные шакалы. Косой выскочил из укрытия. Крупный самец с черным пятном на лбу, едва доставал волку до плеча, шакалов трое, и еще полдюжины увлечены погоней. Пятнистый негромко зарычал, предлагая противнику держаться на расстоянии.

Волк знал, что у шакалов сильнее других собак развито чувство семейственности. Стоит ему вступить в схватку, тотчас появятся остальные. Однако он без раздумий бросился на пятнистого, шакал завыл, и тут-же острые зубы впились ему в голень. Он отпустил пятнистого, мгновенно обернулся, и вырвал клоч мяса из спины рыжего падальщика. Быстрый как молния он бросился на стоящего поодаль третьего недруга, но тот, поджав хвост уже улепетывал. С минуты на минуту должны подоспеть остальные падальщики. Он раздраженно зарычал на манка, тот коротко улыбнулся, и бросился бежать. Манк был странный. Очень странный...

Когда он вернулся в стаю, его встретил Бурбуль. Волки прятали глаза, и в сердце пса закипело бешенство. Они считали, что исход схватки предрешен! И Косой принял бой.

Он дрался тогда, как никогда ранее в своей жизни, и получил награду. Бурбуль оторвал ему ухо, но и вожаку досталось! Он устал, и в глазах помимо высокомерия появилось уважение. Уважение к Косому, которого он всегда считал за бестолкового мечтателя

И тогда пес покинул стаю. Он понимал, что многое изменилось после поединка, и вдвоем им не жить. А одолеть семейника он не сможет. Да и ни к чему ему это теперь, он не боится одиночества. В своих мечтах он странствует в таких мирах, о которых и не снилось властному Бурбулю! Он ушел, неся в сердце предчувствие беды.

Южные степи пришлись не по нутру волку. Леса редкие, с низкими стелющимися деревьями. Жара в этих местах была невыносима, и он плелся с высунутым языком, проклиная себя за непоседливость.

Сразу за горным перевалом он встретился с местными волками. К манкам они относились равнодушно. Охотились преимущественно на мелких сусликов и степных зайцев, и истории гостя о том, как они с семейниками загоняют огромных оленей, вызывали у них чувство восхищения и недоверия.

Однажды в скалистом ущелье им встретилась пятнистая кошка. Маленькие волки в страхе разбежались, и из-за скал следили за поединком. Кошка прижалась к земле и раскрыв пасть по-змеиному зашипела.

Ему повезло. Хищница была старой и быстро выдохлась, а гордыню волка подстегивало осознание того, что за ним наблюдают. Сильные челюсти пса сомкнулись на мускулистой шее.

После триумфа за ним закрепилась слава героя, и местный вожак без боя был готов уступить место чужаку. Он распрощался с волками, и пошел дальше.

Через пару дней он настиг манков. Они разбили стойбище на берегу реки. Вода сочилась промеж острых камней, у нее был непривычный запах и солоноватый привкус. Он насторожился, поднял единственное ухо. Запахов было множество. Острый запах манков, неприятный вкус выгоревшей на солнце листвы, кумар догорающего костра, горчичный аромат вереска, сухой привкус птичьего помета, и еще что-то знакомое застыло в горячем вечернем воздухе. Косой потряс головой и фыркнул. Он долго сновал среди огромных валунов, нюхал ночной воздух, наконец свернулся в клубок в куче выгоревшей сухой листвы, закрыл глаза, и в тот момент когда черная пучина сна поглотила сознание, перед глазами возник цветной образ.

Косой не удивился этому. Мир он видел черно-белым, но сны у него были яркие и цветные. Волк не знал, что такое цвет, но отличие картинок увиденных во сне было поразительным, окружающий мир становился объемным и многомерным. Удивило его то, что в своих снах он видел конкретных персонажей, а здесь среди чудных, неведомых пейзажей он увидел незнакомое лицо. Необычными были глаза на лице этого существа. Они были разноцветными. Один – зеленый, другой – коричневый. Косой взвизгнул, дернул длинными лапами и заснул.

Дневник Оскара

«Зося – католичка, для азиатской России представители этой конфессии – редкость. Поляком был ее отец. На тоненькой золотой цепочке у нее висит маленький крестик, иногда я вижу, как она шепчет молитвы, и мне смешно смотреть на это. Мне кажется глупым верить в то, что невозможно сформулировать! В ящике письменного стола у нее храниться ветхая книжица – молитвенник, а над кроватью висит золоченое распятие. От отца она унаследовала экзотическую славянскую красоту, шляхетское высокомерие, и исконно польскую блядовитость. Она считает себя свободной женщиной, как в сущности рассуждают все бляди.

Только я один знаю, что от природы она шатенка, ее золотые волосы имеют цвет зрелой пшеницы перед жатвой. У нее много волосы, она любит сбивать их в густую копну, и прихватывать на затылке плотной тесьмой, тогда лицо ее становится серьезным, и немножечко занудным. Мне так не очень нравится, но моего мнения никто не спрашивает, и это справедливо. Я – тень.

У нее темные и густые брови, длинные, загибающиеся наверх как у куклы ресницы, нежный юношеский пушок на верхней губе, он трогательно золотистый, и маленькая коричневая родинка. Лицо ее совершенно. Я видел разные лица, уродливые, милые, привлекательные, красивые. И если я пишу, что лицо Госпожи совершенно, то руководствуюсь не слепым восхищением преданного пса, а объективным анализом. Даже самое прекрасное лицо имеет изъян. Предложу простой тест. Если внимательно смотреть на любую часть головы красивого человека, уши, нос, подбородок, а прочие участки лица мысленно игнорировать, то обязательно выявится дефект. Либо уши едва оттопырены, или же брови ассиметричны, губы слишком тонки, и так далее. Любая часть черепа Госпожи совершенна, и это – факт. Ее тело имеет очаровательные мелкие недостатки, которые превращают хорошую фигуру в фигуру вожака.

Один из Зосиных любовников попросил ее не брить подмышек – он полагал, что это усилит его мужскую страсть. У нее выросли темные кудрявые завитки.

Когда она наматывала круги на взмыленном крупе велотренажера, они становились влажными и прилипали к телу. Я подстерегал ее на пути в ванну, и целовал эти соленые мокрые волосы, слизывал пот, и короткие проволоочки застревали в гортани так, что невозможно было их ни проглотить, не достать наружу. Я кашлял, пихал пальцы в горло давясь тошнотой, а она смеялась.

У нее большие синие глаза, кукольный носик, и настолько маленькие ноздри, что не понятно как через них можно дышать. У нее крупный, тонко очерченный рот, и очень белые зубы, с маленькой щербинкой посередине. У нее розовый, всегда чистый язычок, которым она дразнит меня, если находится в хорошем настроении, залезая им то в ухо, то в подмышку, то еще черт знает куда! У нее большеватая грудь. Зося худенькая – когда она встает на цыпочки во время занятий йогой, видны все ребрышки, а на бедрах выделяются острые косточки. Большая грудь ее не портит. Наоборот. У нее гибкая звучная флейта-позвоночник, и гладкая лощеная попка. Две спортивные половинки, и кожа на них нежнее, чем на поджаром животике.

Зося любит маленькие плотные трусики, и они похотливо впиваются в бедра кружевным шершавым ртом. Она редко одевает лифчик, и любит расстегивать блузку до середины груди так, чтобы под углом был виден сосок. Она носит тугие джинсы, настолько тесные, что может стянуть их только лежа на спине, весело болтая ногами, и стягивает она их обязательно вместе с трусиками. Дома она всегда ходит голая. Читает, ест, занимается спортом, болтает по телефону – все это она делает голышом.

Иногда к ней приходят гости. Чаше, чем мне бы этого хотелось.

Зося надевает футболку, и цыкнув на меня, недовольно скалящего зубы, бежит открывать дверь. Она звонко целует в пухлые щеки неприятно пахнущего бородача, болтая ступнями виснет у него на шее, трогает вытянутыми в трубочку губами накрашенную пасть его спутницы – вертлявой, худой брюнетке, подает руку для поцелуя белокурому атлету.

Она возбужденно носится по своей огромной квартире, выгребает из бара груды бутылок, вместе с брюнеткой свистящим шепотом обсуждают некоего Эда, с огромным, но увы! – безжизненным членом. Я знаком с Эдом. Это – мрачный коренастый тип, он часто подвозит Зосю на своем дорогом автомобиле, наверное в детстве его покусали собаки, – меня он побаивается.

Они режут, рубят, кромсают нарезки и овощи, я верчусь тут-же, под боком, ко мне привыкли, на меня не обращают внимания, при мне обсуждают импотента Эда – и меня это радует, хотя я не отрываю взгляда от сверкающих ножей. Меня завораживает его стальная нагота, сводит челюсти, и пасть наполняется слюной. Я здесь. Я всегда рядом. Я – тень.

Меня радует, что Зося взволнована, и в синих глазах играют всполохи предгрозового куража, а это значит, маленький кусочек счастья перепадет и на мою собачью долю. Меня радует, что беспрестанное ощущение страха, которое я испытывал до встречи с Госпожой, сейчас стало значительно меньше. Я – повелитель своей тени. Я ее раб.

Я валяюсь в коридоре, вытянув лапы вдоль туловища, Зося проходит мимо, в каждой руке она несет по подносу, ловко балансируя, щекочет мне живот. Короткая футболка задирается, и я вижу темный мысок под белыми, летящими в бесконечную небесную даль ногами. Брюнетка меня тоже целует. В лоб. Собак всегда целуют в лоб – так гигиеничнее.

Гости рассаживаются вокруг столика.

Мужчины откупоривают бутылки. Бородач, завалившись на бок, и покраснев от натуги, тянет застрявший в бутылочном чреве штопор. Блондин бережно прижимает сильной рукой бутылку шампанского, медленно откручивает проволоку. При этом он хитро смотрит на девушек, которые кокетливо зажимают уши, и умоляют блондина не стрелять в красивую люстру. Великодушный атлет успокаивающе кивает, спустя секунду обезвреженная пробка оказывается в его ловких пальцах. Девушки восхищены – блондин самодовольно улыбается. Толстяк добродушно хихикает, разливая по бокалам шампанское.

Я их ненавижу. Я ненавижу ее гостей. Я ненавижу ее сладко пахнущих, будто вылепленных из глянцевого воска подруг. Я ненавижу все, что отдаляет ее от меня. Я ненавижу ее одежду. У Зоси очень дорогая одежда. У нее есть блядские кружевные трусики, хитроумные лифчики, с отверстиями для сосков, чулки, колготки и много прочего, что отдаляет ее от меня.

Как-то раз, оставшись запертым в одиночестве на несколько дней, я разорвал в клочья эти подлые тряпки, и они кричали предсмертным шелковым криком, агонизируя разноцветными лоскутами. (Госпожа почему-то уверена, что я не различаю цветов, и весь мир для меня состоит из черно-белых контуров. Я не разубеждаю ее в этом.) Я раскидал эти лоскуты по всей квартире, но когда приступ ярости прошел, пытался замести следы преступления, но был застигнут in flaganti, и крепко выпорот. Именно тогда Госпожа впервые стегала меня ремнем. До этого я получал нечастые оплеухи, и они меня мало беспокоили. Порка ремнем – это нечто особенное...

У нее есть кожаное бикини, и набор разнообразных плеток. Но они меня не вдохновляют. В них есть нечто официально-бесстрастное. Ремень должен быть простым и грубым. Зося считала тогда, что я ей отомстил за то, что был оставлен в одиночестве. Смешно и глупо! Я жил в одиночестве и страхе тридцать семь лет! Потерпеть четыре дня – не составляло труда, тем более алкоголя в квартире было достаточно. Я мстил ее тряпкам за то, что они отдаляли Госпожу от меня. Я ненавидел все, что отдаляет ее от меня. Я готов был возненавидеть воздух, который был между нами...

Но гостей ее я не люблю. И поэтому я слоняюсь по кухне, искоса поглядываю на блестящие ножи, и в собачьей голове разыгрываются соблазнительные сценарии. Конечно, я могу

рассчитывать на зубы – они у меня достаточно острые, чтобы порвать загорелую глотку блондина, ножи привлекают меня больше. Меня притягивает магия острого металла, видимо что-то во мне есть и от человека.

Зоя привстала с кресла, и потянулась за зажигалкой так, что обнажилась попка. Блондин схватил, сграбастал, сжал своей грубой пятерней эту нежную попку, а девушка гибко высвободившись хлопнула его по руке, и они весело рассмеялись. Она взяла длинную, коричневую сигарету. (Она любит эти тонкие коричневые сигареты, с неприятным, будто травянистым привкусом. Однажды, пока Хозяйки не было дома, я выбросил их в помойное ведро. Госпожа обнаружила в мусоре выброшенные сигареты, и я был наказан. Брезгливая Хозяйка не стала извлекать сигареты из ведра, и весь вечер их омерзительный запах не тревожил мои нежные ноздри! Я не жалел о содеянном. Собакам вообще не свойственно жалеть о своих поступках, и это качество делает их совершенными!) Жестом фокусника блондин извлек из кармана блестящую зажигалку, и из жерла вырвался пляшущий синий огонек. Придерживая золотые волосы, Госпожа наклонилась глубоко затянулась, и выпустила струйку сизого дыма в лицо блондину. Он потешно замахал руками.

Я забился в своем углу, и наблюдал как запускает лапу Госпоже под футболку. У меня кружится голова, Хозяйка перехватывает мой безумный взгляд.

«Вон!».

Я оказываюсь на лестничной площадке, дверь захлопывается хлестко, как удар плети.

Некоторое время я бесцельно слоняюсь по маленькой площадке, втягиваю запахи кошачьей мочи, истлевших окурков, пугающего незнакомого запаха, от которого встает на загривке шерсть. Я тихонько поскуливаю, скребусь в закрытую дверь.

Там включили музыку. Радостно завизжала брюнетка. Я быстро несусь вниз, сочтя десяток лестничных пролетов, пересекая пустынный двор, и взлетаю на последний этаж соседнего дома. Здесь я тихонько пробираюсь на чердак, и аккуратно ступая по скрипящим пыльным доскам затаиваюсь у маленького окна. Оно позволяет обозревать квартиру в идеальном ракурсе с расстояния в тридцать метров. Как опытная ищейка я исследовал все подъезды, окна и чердаки, прежде чем наткнулся на это место. Отсюда отлично видно все, что происходит в квартире. Я не сожалею об отсутствии звука – увиденная из окна картина становится подсмотренной, а это – разница.

...Один раз Госпожа привязала меня к дверям позволив наблюдать ее совокупление с очередным любовником. Мне было разрешено мастурбировать, но я не воспользовался разрешением. Я просто смотрел на них, испытывая злую радость оттого, что стусежавшись под моим лютым взором, любовник никак не мог овладеть ее волшебным телом. Меня выгнали за дверь, и слыша доносящиеся стоны, я возбуждился чрезвычайно сильно.

Здесь все наоборот. Я вижу, но не слышу. Я поглядываю, оставаясь незамеченным. Я чувствую себя несчастным, и оттого мои эмоции обостряются. Чувство крайнего унижения делает меня свободным, и я лишаюсь страха пред будущим.

Худенькая брюнетка танцует в центре комнаты. Она чувственно изгибается, старательно подражая киношным дивам. Она задорно стаскивает через голову свитер, раскручивает его как пращу, и запускает в дальний угол комнаты сокрытый занавесью от моего обзора. Там надо полагать расположился ее кавалер. Брюнетка носит бюстгалтер. Черный, с кружевным орнаментом. Девушка пьяна. Стаскивая юбку она оступилась, и едва на опрокинула лампу. Тотчас возле нее оказывается толстяк. Он подхватывает ее под руку они топчутся обнявшись, бесшумно хохоча – он расстегивает подпругу бюстгалтера, и тот черной ласточкой улетает вслед за свитером. У нее маленькие нагло торчащие грудки, с узкой полоской белого загара. Она призывно трясет грудями словно румынская цыганка, и толстяк утыкается лицом куда-то подмышку.

Я нервничаю, начинаю негромко поскуливать, – Госпожа с атлетом сокрыты от просмотра массивной спинкой кресла. Я напрягаю до боли глаза, пытаюсь пробуравить эти сантиметры ткани и поролона. При всей моей богатой собачьей фантазии, я не в состоянии угадать, что именно происходит на проклятом кресле.

Тем временем, бородатый стащил трусики с брюнетки, и метнул их на кресло. Брюнетка радостно разевает накрашенный рот, деликатно прикрывая ладошкой низ живота. Я машинально отмечаю, что она побрита.

Мне не очень нравятся бритые девушки, они напоминают голых манекенов, а сейчас мне и вовсе не до нее – я вижу, как трусики бесследно исчезают за спинкой кресла, и не в силах сдержаться, с рычанием мечусь по чердаку.

Влюбленная пара голубей срываются с поржавевшего козырька, и уносятся прочь. На покатуку жест падают две белые кляксочки. Я принимаю к заветной амбразуре, и наконец кресло поворачивается, и я вижу Зося.

Госпожа стоит на коленях перед развалившимся в кресле блондином. У него спущены брюки – он сбил в ком безвольной материи, возле ног. В руке он держит трусики брюнетки, и использует их как давно утраченную и вновь обретенную реликвию – прижимает ажурную ткань к лицу, томно прикрывает белые веки. Вообще ведет себя как полный м – — к! Он стонет, картинно разевая пасть, демонстрируя кучу акульих зубов. Зося смотрит на блондина снизу вверх, взгляд ее трезвый, и даже деловой – движения точны и профессиональны, и спустя несколько секунд блондин демонстрирует мощный рыбий оргазм, едва не проглотив при этом женские тусы.

...А под грязными чердачными сводами я корчусь в судорогах собачьей страсти! Его оргазм бережно принимается моей Госпожой, самой прекрасной девушкой на Млечном пути! Мой – орошает белыми стыдливими капельками пыльные чердачные доски. Он стонет в объятиях волшебницы из Хрустального города слез, я – рыдаю от сладости и боли на загаженном голубями чердаке! Сейчас он будет пить дорогой коньяк, и закусывать деликатесами. Я втихомолку допью остатки из бокалов, и доем куски с тарелок. Кто из нас более счастлив?! Я не ищу ответа... Я – тень... Я – повелитель тени...

Сейчас мне хорошо. Я лежу, прислонясь спиной к теплой перегипсованной трубе – в ней что-то урчит и булькает. Когда уходит похоть – возвращается пустота.

Зачем я начал писать все это? Чтобы избавиться от страха, чтобы удержать ту нить, которая связала меня с Госпожой. А может быть, я боюсь окончательно превратиться в собаку.

Может быть я уже стал ею, перешагнув ту едва уловимую грань, отделяющую меня от человека? И что это такое, – человек? Едва ли меня можно считать человеком! Тень... Повелитель тени. Оскар – человек пес!

Иногда меня посещают видения. Такое случается днем, на несколько секунд воцаряется мгла, и сквозь призрачную темноту выплывает образ серого существа с сиреневым туманом обволакивающим череп. Я вижу как он манит меня крючковатым пальцем. Видение, похоже на призрачный мираж. Такое случалось раза три, и всякий раз меня охватывает леденящий ужас.

Госпожа любит мыть меня в ванной. Во время одной из таких помывок, она схватила жесткую мочалку, и принялась яростно тереть мне спину. Я все реже разговариваю, мне достаточно взгляда, чтобы угадать ее желание. Но в тот раз я заговорил. Это было так непривычно, что она вздрогнула, и выронила мочалку. Говорить было непривычно, я утрачиваю способность выражать мысли при помощи слов. На мои расспросы, она повернула меня к зеркалу. Меня пугают зеркала. Искаженное изображение существ, объявляющихся на поверхности серебряной глади, карикатурно дублирующие движение хозяев, рабски копируя их черты, но всякий раз, объявляющиеся в своем загадочном мире с микроскопическим опозданием. Зеркало рождает двойника, который живет ровно столько времени, сколько пожелает его хозяин, чтобы

исчезнуть навеки, захлебнувшись в загадочном мире изменчивых отражений. Я боюсь зеркал, я им не доверяю.

Я не уверен в том, что появившись однажды, мой уродец двойник, лишенный объема, звука и запаха, исчезнет навеки. Мне кажется зеркала ненавидят предметы, которые в них отражаются. Они непостоянны – эти зеркала, их переменчивость двулична и опасна. Они могут оказаться лъстецами, но их благосклонность недолговечна. Им нельзя доверять. Мистицизм зеркал кроется в их бессмертной природе. Можно разбить зеркало, раздробить на мелкие кусочки, но каждый осколок будет нести малую часть своего обидчика, и помнить о нем вечно. Я боюсь зеркал...

Однако я повиновался Госпоже. Сначала я ничего не увидел. Но Госпожа раздраженно шлепнула меня по загривку, я напрягся и увидел свое отражение. Ничего особенного там не было – разноцветные глаза, жесткая каштановая, с проседью грива. Она повернула зеркало так, что я сумел увидеть свою спину. Густые волосы на затылке, переходили в темную, с рыжеватым отливом поросль на спине. Я почувствовал ее страх, и он захлестнул меня. Госпожа не имеет права показывать страх! Я захотел убить ее, желание было столь сильным, что я застыл. После этого я стал писать...

Крыша загрохотала гулкой жестью. Я тревожно вскочил на ноги – собачий стаж приучил меня чутко реагировать на чердачных кошек. Я осторожно высовываю морду из окна – по соседней крыше нагло вырывает большой рыжий кот. Толстый и самодовольный как восточный евнух. Я негромко зарычал. Он высокомерно взглянул в мою сторону, и осанисто распушив хвост, потопал дальше. По своим загадочным кошачьим глазам.

Наступал вечер. Гости собирались уходить. Они топтались в прихожей, и отталкивая друг друга целовали мою Госпожу. Сначала блондин, затем толстяк, потом опять блондин и так далее. Зося также целовала толстяка в кнопочный носик, а блондина в высокий загорелый лоб. К ним лезла брюнетка – она целовала Зосю в губы, а затем долго в засос блондина. Все они были пьяные и некрасивые. Кроме Госпожи. Она была как всегда прекрасна.

На запыленных досках я разыскал окурочек – он был каменно-сухим, и изжелта-твердым, и пах угарной смолистой копотью и теплой затхлостью чердака. Здесь же валялся мятый спичечный коробок.

Госпожа запрещала мне курить – собаки не курят. Я особенно не возражал, острое желание расстаться со своей природой, потерять каштановую личность, что тридцать семь лет носила штаны, и говорила на людском наречии было слишком велико. В последнее время, и я делал все, чтобы порвать те связующие нити, что могли превратить меня в человека, с его грустной биографией и отвратительной физиологией двуногого Homo Erectusa. Однако отказаться от сигарет и алкоголя мне пока трудно. К тому же я пишу. Если Госпожа отыщет мои дневники, гнев ее будет неопишем – я этого боюсь, но я этого жду. В какую форму выльется причудливый гнев моей Хозяйки? Не знаю...

Совсем стемнело. В окнах зажегся желтый свет. Зося высунулась в окно и громко засвистела. Это зовут меня. Я затоптал сигарету, отряхнулся от вонючей пыли, и потрусил вниз по лестнице.

В дверь я поскребся ногтем. Сбежавший с прогулки, виноватый запыхавшийся кобелек.

* * *

Госпожа стояла в дверном проеме, на ее голове была накручено полотенце. Она грозно сдвинула брови, и я ловко поднырнув под рукой, податливым выюном просочился в квартиру, получил тапочком удар под зад. Я подхватил зубами этот тапочек, и ступая на четвереньках поднес к бело-розовой ноге. От тапка пахло войлоком, чуть-чуть потом, и еще чем-то неуловимо тревожным. Запахом, состоящим из множества составляющих. Кажется лакица, воз-

можно базилик или вереск. Не уверен. Но одним из запахов была кровь. Или нечто иное, похожее на кровь...

Зося снисходительно посмеивалась, глядя как я неуклюже пытаюсь надеть тапок ей на ногу при помощи одних зубов. Дразня меня, она вертела пальчиками, то прихватывая меня ими за нос, то ероша шерсть на голове, и я блаженно попискивал, крутил головой, заглядывал ей в глаза. Наконец теплое нутро тапка уютно обхватило узенькую ступню Хозяйки, и я был великодушно отпущен.

На кухне Госпожа налила в мою персональную миску коньяка. Коньяк был дорогой, пахучий – я его вылакал под доброжелательным хозяйским оком. Мне был выдан изрядный кусок копченого мяса. (Зося закармливала меня копченостями, считая, это признаком собачьего благоденствия).

Пить из миски я научился довольно быстро, и шумно лакал коньяк под радостные аплодисменты гостей, а вот есть без помощи рук неудобно, и поэтому пока Госпожа не видела, я хватал куски руками, и быстро запихивал их себе в рот. Почесав меня за ухом, Зося зевнула и ушла в комнату. Там она включила плазменную панель.

Я нырнул в холодильник, вытащил бутылку водки, и жадно прижался к горлышку. Ледяная жидкость привычно ожгла горло. Последнее время я стал хуже переносить алкоголь, и дурнеть с небольших доз. И мне все время снились странные сны.

В то время, когда я еще был человеком, я умел заказывать сны. Сейчас ситуация изменилась, такое ощущение, что не я вижу сны, а являюсь чьим-то персонажем в них. Как-будто я снюсь кому-то, этот кто-то заказывает себе сны с моим участием. Собачий бред! Я еще глотнул водки...

Мысли потекли медленно, но я старался все запомнить, чтобы завтра подробно все записать. Ничего не пропустить. Я пишу чрезвычайно точно, оказывается, в собачьей голове встроены удивительный компьютер, позволяющей запоминать каждое мгновение жизни.

Зачем я пишу? Возможно, я надеюсь – Госпожа найдя записки оценит меня по достоинству. А может быть наоборот. Придумает особенное наказание.

Мысли путались, и я поплелся спать. На свой коврик, возле кровати. Дальше была мгла. И яркие, нездешние звезды, щедрой горстью рассыпавшиеся по черному небосклону...»

Сила Луны

Звезды бесшумно падали на Землю, сгорая в туманном саване. Волк боялся, что звезда упадет на лагерь манков, начнется пожар, и в нем погибнет бельмастый. И он не сумеет насладиться местью.

Просто убить бельмастого недостаточно. Он мог сделать это неоднократно – подкрасться к храпящей жертве, и вспороть синюю жилку на шее. Манки должны страдать! А какие страдания выпадут на долю бельмастого, он не мог придумать, и это приводило его в ярость.

Уже вторую неделю шел он по следу. Шел убивая нерасторопных зайцев, не испытывая голода, и делая это лишь для того, чтобы оставаться сильным. Он проглатывал горячее мясо, пил терпкую кровь, не получая удовольствия. Он превратился в сгусток мышц, шерсти и зубов, а воспаленный мозг жаждал мести.

Он вспоминал Латону, и каждую ночь она приходила к нему. У нее не было запаха, волк видел серебристый силуэт. Он не испытывал страха, в глазах подруги он читал призыв к мщению. Слепая ненависть захлестнула все эмоции, не поддающаяся осмыслению злоба вела его по следу манков. И эта ненависть сделала его неуязвимым.

При переходе через горный кряж на пути объявился медведь. Совсем молодой, он вышел на первую охоту. Медведь встал на задние лапы, и угрожающе заревел. Люто завыл волк, и в глазах светилось такое отчаяние, что медведь отступил...

В эту ночь опять пришла Латона. Впервые она заговорила, но делала это бесшумно – у пса появились в голове чужие мысли. Она предостерегала. Она предупреждала об опасности много большей, чем горные медведи, или гадюка в высокой траве. Латона упоминала о некоем «сером манке», и призывала собрата отказываться от борьбы, а довериться Луне.

Бурбуль хорошо знал, что значит довериться Луне.

Волк может рассчитывать только на себя. На свою силу, обоняние, хитрость и быстроту. При помощи этих качеств он охотиться, и сражается с противниками. Но у каждого волка есть в запасе Сила Луны. Это своего рода интуиция, которая позволяет принять безошибочное решение в затруднительных ситуациях. Сила Луны сообщает о приближающемся землетрясении или лесном пожаре. Благодаря Силе Луны он знает, когда выпадет первый снег. Это – великая Сила! Но используя ее, следует отказаться от своих личных возможностей.

В борьбе с манками пес не мог полагаться на Силу Луны. В отличие от фантазера Косого, он не любил размышлять и принимал эту силу как данность. Тем более было непонятно, как можно ее использовать против «серого манка». И почему «серого»? Манки и так все серые! И тем не менее он встревожился. А испытав тревогу, он принялся нюхать ночной воздух.

Воздух пах как всегда. Манки, огонь, выжженная трава, аромат свежей воды – неподалеку река. Волчата... Плакса, и Ушастый – рычание волка стало не сдержанным.

Волк раздраженно помотал головой. Уже не в первый раз он ловит этот ускользающий запах, и не может его разобрать.

И вдруг резкий порыв ветра принес ему знакомый аромат. Бурбуль заскулил от нетерпения. Запах Косого! Пес вышел из тени – Луна очернила прижавшийся к земле силуэт. Так его сразу заметят! Он тотчас нырнул за камни. Волк решил положиться на слух, закрыл глаза, и постарался отключить обоняние – все усилия были направлены на то, чтобы слушать. Тихо шуршал еж, прошмыгнула змея, удирая от колючего охотника.

Издалека донеслись мягкие шаги. Некто шел по ночной земле. Манки шаркают подошвами, идущий ступал твердо и уверенно. По хозяйски. Вот он пошел легко и беззвучно, так крадутся пятнистые кошки. Волк заскулил от нетерпения. Он потянул носом, и острый запах ожег ноздри. Задрожала земля – неизвестный бежал. Волк оскалился. Из темноты надвигался серый силуэт. От него исходила ненависть и злоба, и собственная злость показалась вожаку смешной

и нелепой. Маленький волчонок – победитель мышат, и ненависть захлебнулась в мутной волне неземной ярости. Бурбуль хотел бежать, но сильные ноги будто приросли к земле. Сила Луны! Он хотел обратиться за помощью, но не знал, как это сделать. Он вжался в землю, и закрыл морду лапами. Бесстрашный вожак больше не помышлял о мести...

Неожиданно шаги стихли. «Серый манк» остановился. Воцарилась мертвая тишина, запах горькой травы и запекшейся крови. Волк лежал с закрытыми глазами. Это хуже чем смерть!

Гасли яркие звезды. Небо на востоке порозовело. Робко запели первые птицы. Шаги становились тише, вскоре исчезли совсем. Пес неподвижно лежал на земле. Из становища донеслись громкие крики. Это хуже чем смерть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.